

Неронова А.В.

ПОЛИТИКА «ВОЗДЕЙСТВИЯ»: СТОЛКНОВЕНИЕ КОНЦЕПЦИЙ

A. V. Neronova

POLICY OF «IMPACT»: CLASH OF CONCEPTS

УДК: 327.8 (575.2) (04)

В данной статье рассмотрены две противоречащие друг другу парадигмы в теории международных отношений, рассматривается сущность каждой из них и делается вывод о политике «воздействия».

This article describes two conflicting paradigms in international relations theory. It is considered the essence of each of them and concluded the policy of "impact".

В современной теории международных отношений явственно просматриваются две противоречащих друг другу парадигмы. Политика «воздействия», в этой связи, трактуется различно, в зависимости от того, в каком концептуальном поле ее рассматривают.

Так, в концептуальном контексте классической парадигмы, основанной на идее абсолютной суверенности государства-нации с центральным принципом «невмешательства» и понятием «национальные интересы», политика «воздействия» понимается, как воздействие на внешнее поведение или политику тех или иных государств. Каждый участник международных отношений старается повлиять на политику других, поэтому такое «воздействие» трудно квалифицировать как противное международному праву. Крупный политолог и историк С. Хоффман отмечает, что даже войны с целью изменить внешнее поведение или политику есть продолжение других методов давления и лишь интервенции с целью повлиять на внутренние дела государств – являются безусловно противоправными [7].

И это понятно. Ведь в классической парадигме международных отношений источником международной правосубъектности всегда было само понятие государства, а не тот или иной тип государственного и общественного устройства, являющийся прерогативой внутренней жизни народа [4, с.500].

Вторая, представленная западной школой глобалистики парадигма, основывается на вильсоновской идее «мира как концепции», который выше национальных интересов, суверенитета и независимости, т. е. тех аспектов жизни нации, за которые во все века воевали. В данном контексте и политика «воздействия» трактуется совершенно иначе. Здесь стирается различие между внутренней политикой и внешней, а значит и между военным вмешательством и «гуманитарным», направленным на внутренние дела. Данная парадигма, совершенно по иному структурирующая международные отноше-

ния, воплотилась в политических доктринах либерализма и марксизма, одинаково враждебных традиционным понятиям об Отечестве, нации и политики. Обе эти доктрины не рассматривают нацию, как субъект исторической деятельности. Для либералов субъектом исторической деятельности является гражданин мира, индивид. Для марксистов – класс.

Либеральная и коммунистическая теории нашли отражение и в конкретных международных доктринах устройства мира, а именно – в Программе из 14 пунктов американского президента Вудро Вильсона и большевистской доктрине классово-внешней политики спонсора русской революции Гельфанда-Парвуса [10]. Эти концепции предполагали разный язык, разных исполнителей, но программировали некий общий результат, какая бы версия не победила. А именно, обе они вели к уменьшению роли национальных государств и эрозии их суверенитета, постепенно отдавая наднациональным механизмам роль сначала морального, а затем и политического арбитра. Поэтому тезис, что глобализация – это объективная неизбежность, является лишь повторением в новом облике «старого» диалектического материализма, сформулированного В.И. Лениным: «Соединенные Штаты мира (а не Европы) – являются той формой объединения и свободы наций, которую мы связываем с социализмом, пока полная победа коммунизма не приведет к окончательному исчезновению всякого, в том числе и демократического государства» [3, с. 232].

США вышли из своей «изоляционистской» политики с программным документом, имеющим характер универсального проекта – Программой В. Вильсона из 14 пунктов. Данная программа предлагала создание новых условий для новых сил и новых методов политики в мире. Главное в этом документе – снижение традиционной роли национальных государств, устранение акцента на национальных интересах, создание первого типа универсальной международной организации – Лиги Наций – и интернационализация международных проблем.

Проблему же геополитической концептуализации данной программы решила геополитическая школа атлантизма, основанная Х.Маккиндером. Принципиальное отличие геополитической модели атлантизма заключается в том, что строится данная геополитическая модель не на традиционном понятии «национальных интересов», а на абстракт-

ных принципах защиты свободы, прав человека и демократии – на идее единого бесконфликтного мира как замкнутой системы. Именно это мондиалистское содержание и отличает школу атлантизма от других геополитических школ.

Мир, по Маккиндеру, достиг такой плотности, что любое масштабное социальное, географическое и политическое изменение, любая переориентация государств или регионов оказывает самое непосредственное воздействие на мировую систему в целом, что позволяет и даже делает необходимым активное управление этим процессом [8, с.422].

Очередным этапом в развитии атлантистской школы геополитики стала концепция региональной геополитики, основанная на иерархическом принципе С. Козна. Коэн осознал геополитическую значимость многополюсного мира, и в своей книге «География и политика в разделенном мире» разделил мир на геостратегические районы, характеризующиеся общностью хозяйства, системами коммуникаций и идеологией. Данные районы, в свою очередь, он подразделил на геополитические системы, по признакам общности образа жизни, исторических и культурных связей, потоков миграций и географической близости [5].

Идеология глобализма породила концепцию «относительного», «функционального» суверенитета, теорию «эффективности» и «неэффективности» в области осуществления государством своего суверенитета. Данная идеология «Единого бесконфликтного мира», – считает Н.А. Нарочницкая, – уводит политологов от изучения проблем реальной политики, предполагающей споричность исследователей к событиям в область конфликтологии абстрактных величин, где изучаются не задачи достижения национальных интересов, а методика их принесения в жертву абстрактным принципам [4, с.491].

Через этот же понятийный контекст «мира как концепции» в международном политическом сознании легализируется понятие «глобальное управление», которое постепенно вводится в аксиоматику «науки о международных отношениях». В 1995 году под таким названием начинает выходить солидное периодическое издание. Р.Вэйринен издает в Бостоне труды о глобальном управлении [6]. Глобальное же управление требует открытости всех обществ мира, и определение круга избранных, обладающих правом управлять. Из этого следует задача подтолкнуть «закрытые общества» к внутреннему преобразованиям в определенном направлении. А также подготовить мир к замене основополагающих принципов международного общения – принципа суверенитета и невмешательства, и создать некий новый абстрактный субъект международных отношений – «мировое сообщество» для санкционирования вмешательства.

Все современные теоретические школы – нео-реализм, неолиберализм и неомарксизм – находятся в парадигмальном контексте атлантистской школы геополитики, ее основных принципов и целевых интенций, что и приводит к совпадению их основных выводов [9, с.29].

Сохраняя основной тезис реализма, и отстаивая структурное понимание силы, нео-реализм теперь не сводит ее к военному компоненту, а включает в нее также экономическую, информационно-коммуникативную, научную, финансовую и производственную составляющие. В нем нашли место и другие новые для этой школы положения: например, о взаимозависимости, о внетерриториальной сущности нового, более эффективного, чем прежний, типа власти.

Со своей стороны к этому же положению – силовому – приходит и неолиберализм, смыкаясь, таким образом, с нео-реализмом. Ибо, сегодня предпочтение отдается силовым действиям «хороших» акторов, которые призваны создавать и поддерживать мировой порядок, ибо обладают моральным превосходством и материальными средствами против «плохих» акторов, несущих угрозу демократическому миру. Отсюда меняется и либеральная трактовка безопасности. А именно, концепция кооперативной безопасности все более уступает место в неолиберальных опусах идеям объединения усилий демократических государств.

Если реализм еще говорит о балансе сил в рамках мультиполюсного мира, то неолибералы считают, что безопасность достижима только путем объединения демократических государств и распространения демократии, как типа политического режима.

Нео-реализм и неолиберализм сходятся на том, что основой новых тенденций в международных отношениях является закономерность возрастающей взаимозависимости мира, результатом которой становится вторжение в сферу мировой политики новых, нетрадиционных акторов – неправительственных организаций, финансовых фирм, мультинациональных корпораций, частных групп, демографических потоков, мафиозных структур и рядовых индивидов. Государства уже не могут, как прежде, контролировать их деятельность, которая все чаще осуществляется в обход государственного суверенитета и вопреки ему. Поэтому монополия государства в международных отношениях разрушается, а геостратегические приоритеты теряют смысл.

В этом же концептуальном ракурсе находится и школа неомарксизма, которая разбирается с данным положением, используя свои базовые понятия «миросистема» и «мир-экономика» [1]. Неомарксисты утверждают, что господствующая в капиталисти-

ческой мир-системе идеология гиперлиберализма меняет роль национального суверенитета. Государство рассматривается, прежде всего, с точки зрения помощи рыночным силам, оно утрачивает роль социальной защиты населения. С одной стороны демократизация международных отношений ведет к манипулированию политическим процессом со стороны тех, кто способен его финансировать и кто владеет технологиями манипулирования общественным мнением, ведет к стандартизации и имитации моделей потребления разных стран. А с другой стороны, эта демократизация ведет к диверсификации, расширяет возможности появления новых субъектов международных отношений [2].

Таким образом, получается, что все современные теоретические школы (неореализм, неолиберализм и неомарксизм) находятся в единой мондиалистской парадигме «мира как концепции» - с ее расширением управления международными процессами до негосударственных субъектов, эрозией государственной монополии в определении характера международных отношений, размыванием границ между внутренней и внешней политикой и бесконечным ростом негосударственных участников международных отношений, т. е. являются результатом идей, заложенных в вильсоновской Программе из 14 пунктов. Поэтому вопросы международного порядка и не совпадают с разделительными линиями данных теоретических школ.

Итак, в современной теории международных отношений мы можем констатировать наличие двух противоположных парадигм – классической и формирующейся новой, мондиалистской – каждая из которых является самостоятельной системой, со своим типом связей, своими политическими, правовыми и идеологическими нормами. Если классическое международное публичное право концептуально основывается на идее абсолютной суверен-

ности государства-нации, понятии «национальный интерес» и, как следствие, принципе невмешательства; то мондиалистская парадигма выдвигает в качестве концептуальной основы понятия «относительного», «функционального» суверенитета, теорию «эффективности» и «неэффективности» в области осуществления государством своего суверенитета.

Несмотря на то, что в официальной риторике продолжают фигурировать прежние понятия, на практике происходит все большее смещение от классического международного права в сторону права мирового правительства и космополитического гражданского общества.

Поэтому «мирно сосуществовать» данные парадигмы не могут. В настоящее время происходит все более активное вытеснение классической парадигмы международных отношений.

Литература:

1. Валлерстайн И. Анализ мировой системы и ситуации в современном мире. – СПб., 1991.
2. Кулагин В. Рождение мирового порядка // Международная жизнь. 1996, №4.
3. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Издание третье. М., 1929, Т. XVIII, С.232.
4. Нарочницкая Н. А. Россия и русские в мировой истории. – М., 2005.
5. Cohen S. B. Geography and Politics in a Divided World. Oxford, 1971.
6. Global Governance. Vol. 1, N 3. Globalization and Global Governance. R/ Vayrinen (ed). Boston; Oxford (UK). 1999.
7. Intervention in World Politics. Ed. By Hedley Bull. Oxford. 1984.
8. Mackinder H. 1904. Geographical Pivot of History. – Geographical Journal, vol.23.No.4.
9. Nelson D. N. Great powers and world peace//World security: Challenges for a new century. – N.Y., 1994.
10. Zeman Z. and Scharlau W. B. The Merchant of Revolution. London, 1965.

Рецензент: д.полит.н., профессор Артыкбаев М.Т.